

Александр МЕЛИХОВ

ЧЕМ ПОБЕДИТЬ ЗАВИСТЬ?

Наша жизнь полна конфликтами, в основе которых — зависть. Вот лишь несколько из них.

Гражданка Р-ва, живущая в Петербурге, узнав, что дочь ее давней, можно сказать сердечной, подруги удачно вышла замуж — за москвича! — расстроилась. Во-первых, потому что москвич — владелец трехкомнатной квартиры на Тверской. А во-вторых, потому что ее собственное незамужнее чадо так и застряло в «провинции», то бишь в Питере. Р-ва представила, как ненавистная теперь дочь ее подруги обживает московские хоромы, и резко, без объяснений, прекратила общение с ее мамой. С которой, между прочим, дружила... двадцать лет!

А вот ситуация — из мира науки. Будущий классик чистой математики П. попросил уже наполовину состоявшегося классика К. дать ему проблему для научной работы. К. предложил некую задачу из топологии косых произведений, и П. в течение недели решил ее. «У вас ошибка!» — радостно вскричал уязвленный столь быстрым решением К., едва только П. начал излагать ему свои выводы. П., однако, легко разбил возражения своего наставника, но тот продолжал ревностно выискивать несоответствия. И нашел: «А, вот тут у вас сбой, смотрите!» Но и эту придирку молодой математик немедленно опроверг. И так повторялось много раз, пока К. наконец не признал задачу решенной, сокрушенно признавшись: «Проблема оказалась не такой сложной, как я предполагал». Оба участника этой истории — крупнейшие ученые XX века.

А сколько эпизодов — смешных, нелепых, трагических — может привести каждый из читающих эти строчки. Примерно таких: провалившийся на экзамене абитуриент недавно уверял меня, что теперь поступают только за «бабки», которых у него не оказалось; довольно известный философ сочинил трактат о том, что вся жизнь есть зло, только потому что у него лично она не задалась; знакомый журналист рассказал

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, главный редактор журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023). Премия «Неистовый Виссарион» за вклад в развитие критической мысли (2024).

мне, как полгода назад в сельской глубинке соседи подожгли усадьбу преуспевающего фермера. В этом ряду и трагические эпизоды, когда террористы, ненавидящие тех, кто живет иначе (и лучше!), чем они, стремятся их уничтожить.

Что общего между всеми ними? И те, и другие, и третьи, и четвертые мстят за поражение. Мстят за униженное самолюбие, за утраченное ощущение первенства, удачливости, избранности, за утраченную веру в женскую верность и справедливость мира — и кто-то «опускает» обидчиков (обидчиком может сделаться и все мироустройство) только в собственном воображении, тем или иным способом обесценивая их победу, а кто-то готов истребить их и физически, хотя бы и ценой собственной жизни.

Обида побежденных — вот источник всякой зависти, переходящей в ненависть, и всех философских и социальных теорий, оправдывающих эту ненависть. Отвергнуть мир, отвергающий то, что тебе дорого, — что может быть естественнее?

Когда эту ненависть испытываем мы сами или симпатичные нам люди, мы называем ее жаждой справедливости, в людях несимпатичных мы называем ее завистью, но суть от этого не меняется — речь идет о жажде реванша. Правда, когда мы оскорблены и стремимся к компенсации не для себя лично, а для своей социальной группы, это чувство в большей степени заслуживает высокого имени Справедливость.

И тем не менее *коллективный реваншизм* является причиной несравненно более ужасающих бедствий, чем зависть индивидуальная. Поэтому, создав мир, где нет побежденных, мы уничтожили бы и все мировое зло. Ибо проигравшие всегда будут питать неприязнь к победителям и сочинять для самооправдания утешительные сказки насчет того, что проиграли они исключительно из-за своей честности и великодушия, а их враги взяли верх только подлостью и бессердечием. Побежденные всегда будут восхвалять себя и клеветать на своих обидчиков, если даже в качестве обидчика выступит целая цивилизация.

Но ведь побежденных нет только там, где нет борьбы, нет соперничества. А соперничество, конкуренция и порождаемая ими зависть могут быть изгнаны из жизни лишь вместе с самой жизнью.

Большевики изгнали конкуренцию из производства — и она переместилась в сферу потребления. И все это безо всякой пользы для человечества. Тогда как *конкуренция и порождаемая ею зависть не только источник взаимного раздражения, но также источник прогресса*, могучий стимул всяческих усовершенствований!

Пушкин когда-то заметил, что *зависть — сестра соревнования*, а стало быть, дама хорошего рода, но я бы назвал зависть не сестрой, а скорее *дочерью соревнования*. Ибо всякое состязание рождает двух дочерей — Радость и Зависть. И первой, цветущей веселой красавицей, наслаждается лишь горстка счастливых, а второй, уродливой злобной горемыкой, приходится утешаться всем остальным (надеюсь, этот образ не покажется излишне смелым, если не понимать его чересчур буквально). Поскольку абсолютно в каждом состязании подавляющее большинство участников оказываются побежденными, на пьедестале почета могут разместиться лишь немногие, иначе победа потеряет всякую ценность. Каждое состязание порождает горстку победителей и толпу неудачников.

Но почему тогда неудачниками, «лузерами» себя ощущают, слава те господи, далеко не все? Скорее, даже меньшинство. Да потому что разновидностей состязания чрезвычайно много: проиграешь в одном — выиграешь в другом, которое при желании и можно признать самым главным. Бегун не завидует штангисту, а штангист шахматисту, но каждый имеет полную возможность поглядывать на остальных свысока: я самый быстрый, я самый сильный, я самый умный... Каждый уверенно стоит на собственном пьедестале почета.

Доход не критерий успеха

Но ведь и в социальной жизни пьедесталов почета огромное множество! Домохозяйка может тешить себя тем, что у нее самые ухоженные дети, сельский житель — что дышит самым чистым воздухом, рабочий — что может спать спокойно, не беспокоясь о происках конкурентов, и так далее, и так далее. В принципе каждой социальной группе необходима собственная субкультура, собственный пьедестал почета, у подножия которого даже проигравшие могли бы чувствовать, что по сравнению с остальным миром они все-таки удачлики, все равно они или быстрее, или сильнее, или умнее всех за пределами своей избранной группы. Для этого-то субкультуры и создаются — для самовозвеличивания и самоутешения.

И рождаются они естественным порядком, без специальной организации, ибо заниматься самоутешением дело для человека более чем естественное. Он и выжил-то исключительно потому, что от начала времен скрывал от себя собственную мимолетность и бессилие всевозможными иллюзиями, начиная от самых наивных сказок и магических ритуалов и заканчивая изощреннейшими философскими системами и великими шедеврами искусства.

Первейшая функция нашей психики — самооборона. Поэтому человеческая фантазия рождает утешительные субкультуры так же непроизвольно, как слизистая оболочка желудка выделяет желудочный сок — в самых простодушных народных сказках барин всегда оказывается идиотом, а мужик молодцом. И все, что требуется для того, чтобы утешительные образы сделались коллективными, охватили всю социальную группу, — это возможность делиться ими более или менее широкоохватно, а не только частным образом. Грубо говоря, каждой социальной группе необходимы собственные творцы утешительных грез: собственная литература, собственное кино, собственное телевидение...

Но предоставляет ли сегодняшняя жизнь что-либо хоть отдаленно напоминающее эту картину? Нет, она действует ровно противоположным образом. Шкала успеха чудовищным образом упрощена, унифицирована. Доходы сделались почти единственным критерием успеха. Критерием, обрекающим, как и любой монокритерий, подавляющее большинство людей на ощущение жизненной неудачи: если ранжировать человечество по любому монокритерию, подчеркиваю — по любому: по росту, весу, по щедрости, красоте, по известности, умению вычислять или играть на скрипке, — все равно половина сразу же окажется ниже среднего. Вместо того чтобы максимально увеличивать число пьедесталов почета, средства массовой информации, напротив, сосредотачиваются на одном-двух, наиболее примитивных — *деньги и популярность* (обычно, впрочем, тоже конвертируемая в деньги).

Спасительная субкультура

Рассмотрим всю окружающую нас символическую продукцию от телесериалов до уличной рекламы — много ли вы найдете «месиджей», сигнализирующих обычному человеку: «Ты счастливчик, тебе выпала удача родиться именно в своем регионе, обрести именно свою профессию, жениться именно на своей возлюбленной»? Напротив, большей частью она делает все, чтобы разрушить все локальные воодушевляющие субкультуры, создавая впечатление, что *счастье можно обрести лишь на микро-*

скопическом столичном пяточке и тем самым наводняя страну массами неудачников. А следовательно, и завистников.

Когда я в своей повести «Исповедь еврея» изобразил нищий шахтерский поселок как некий Эдем, это была не только ирония: в каждом таком Эдеме был свой силач, свой мудрец, свой богач — никто не состязался со Шварценеггером, Бором или Биллом Гейтсом.

Ностальгия по Советскому Союзу связана вовсе не с тоской по равенству, а, скорее, тоской по избранности, ибо глобализация, унификация ценностей разрушила и продолжает разрушать множество уютных субкультур (национальных, профессиональных, региональных...), внутри которых люди могли ощущать себя удачниками.

А между тем надо понимать, что от мести униженных и оскорбленных защититься невозможно: даже те из них, кто не решится мстить победителям материально, неизбежно станут отвергать, обесценивать отвергнувший их социальный мир. И ничто не помешает им изобразить этот мир мерзким и несправедливым; сделавшись же таковым в глазах большинства, он неизбежно окажется обреченным на упадок, а в конце концов и на гибель. Дураков чем-то жертвовать ради его защиты больше не останется.

Сегодня мы много говорим об укреплении государства, долженствующего заботиться прежде всего о тех коллективных наследственных ценностях, которые не входят в круг приоритетных интересов индивида: территория, природа, культура, демография...

Но воображаемая картина мира, в которой большинство населения чувствовало бы себя уютно, ничуть не менее важное общественное достояние, чем чистая вода и чистый воздух. Чтобы государство начало оказывать поддержку тем, кто, сам обладая психологически комфортабельной для своей социальной группы картиной мира, получил бы возможность делиться ею с другими. Иначе говоря, необходимо почаще демонстрировать *счастливых людей* из самых разных профессиональных, имущественных и региональных групп — это и будет профилактикой социальной зависти.